

18+

Татьяна
Замировская

Некоторые вещи

уже
произошли

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

рассказы

Классное чтение

Татьяна Замировская

Некоторые вещи уже произошли

«Издательство АСТ»

2020-2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Замировская Т. М.

Некоторые вещи уже произошли / Т. М. Замировская —
«Издательство АСТ», 2020-2025 — (Классное чтение)

ISBN 978-5-17-177750-0

Татьяна Замировская – писательница и журналистка, автор бестселлера «Свечи Апокалипсиса», романа «Смерти. net», сборников «Земля случайных чисел», «Воробьиная река» и «Жизнь без шума и боли». «Некоторые вещи уже произошли» – сборник рассказов, написанных в 2020–2025 годах, о катастрофических обстоятельствах и о том, как они воздействуют на память, речь, язык и идентичность. А еще – о тревожном расстройстве. Потому что всякий раз, когда происходит то, чего мы, тревожники, так боялись, нам парадоксальным образом становится чуть легче. Возможно, это книга о том, как преодолевать страх и оставаться человеком даже там, где нет больше сил им быть. Содержит нецензурную лексику.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-177750-0

© Замировская Т. М., 2020-2025
© Издательство АСТ, 2020-2025

Содержание

Месяц из тумана	6
Музыка для восемнадцати музыкантов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Татьяна Михайловна Замировская

Некоторые вещи уже произошли

Сборник

© Замировская Т., текст
© Почицкий В., наследники, иллюстрация
© Корсакова Е., оформление
© ООО «Вимбо»
© ООО «Издательство АСТ»

Месяц из тумана

Элеонора проснулась, открыла глаза. Туман, ничего не видно, за окном машины по-прежнему стелился лес, точнее, синяя частокольная полоса ровно плыла назад, и все это был лес.

Рядом с ней на пассажирском сиденье спала маленькая девочка лет пяти, пристегнутая к детскому креслу. Элеонора зажмурилась, снова открыла глаза. Она и выпила-то всего два бокала и не притрагивалась к той сигарете, которую все передавали по кругу, но теперь тут эта девочка.

Элеонора осторожно пошатала детское кресло, девочка заворочалась и забормотала неожиданно взрослыми интонациями:

– Еще нет, еще не надо...

– Проснулась, что ли? – донесся голос с переднего сиденья. Обернулась и посмотрела на Элеонору злым зверьком. Так, еще одна девочка, но постарше, лет одиннадцати. Полна машина детей. Элеонора подумала: с ней-то ничего подобного произойти не могло, но тем не менее вот, случилось непонятное.

– Ты кто? – спросила она девочку.

– Конь в пальто, – ответила девочка и отвернулась.

Продолжал ровно шуметь двигатель, за окном проплывали ночные хлопья тумана, уже немножко взболтанные на коктейльный манер с янтарным, как яичный желток, автомобильным светом.

Элеонора осторожно потрогала водителя за плечо, он, не оборачиваясь, спросил:

– Проснулась? Рано ты. Поспи еще, еще час ехать.

Элеонора не знала этот голос и не знала этого водителя.

Девочек она тоже не знала.

Это были две взрослые девушки вообще-то, возмущенно подумала она, кто их превратил в девочек и зачем? Лиза и Вероника. Как так? Они были на даче Диминого друга, праздновали весеннее равноденствие, Вероника постоянно кричала, что это на самом деле и есть первый день весны, а вовсе не первое марта, как всем кажется, и все закатывали глаза, потому что Вероника уже достала со своими глупыми календарными новостями, преподнесенными с видом научного открытия. Пили, курили эту сигарету по кругу, Элеонора не курила, она всегда боялась потерять контроль над мозгом и разумом, поэтому опасалась всевозможных веществ, этот контроль истончающих. Готовили шашлык, пели под гитару «Гражданскую оборону» и Rammstein. Там еще была чья-то смешная волчья снеговая собака, мохнатая, как воротник. Лиза обнималась с ней на диване и дула ей в треугольное ухо, и Элеонора прикрикнула на нее: собакам нельзя дуть в уши, ты что, не знаешь?

Так, Лиза.

Когда они уезжали, за ними увязалась Лиза. Элеонора не помнила, откуда Лиза взялась. Наверное, одна из подруг хозяина дачи (Элеоноре очень понравился хозяин дачи, Димин друг, принесший ей стакан дымного грога с глухо, как косточка, постукивающей о запотевшие стенки палочкой корицы), а может, чья-то девушка – поссорились из-за ерунды, и решила тоже поехать в город, не оставаться хохотать у камина до утра. Все, конечно, пищали: останьтесь, останьтесь. Но Диме утром надо было на работу, на смену, а Элеонора не могла уехать без Димы, а Вероника вежливо использовала известное дачное правило «Кто на ком приехал, тот на том и уедет». Дима заревновал, он наверняка заметил, как Элеонора смотрела на его друга, немного выпил, это Элеонора виновата, это все тот грог, но сколько там можно выпить? Дима сказал: не пьяный, не волнуйтесь, все нормально будет. Кто не хочет – пусть остается. И кинул гневный взгляд на Элеонору, и она подпрыгнула, словно обожглась, и закивала: да-да, поедem, конечно. Хотя можно было и остаться, там была гостевая комната. Вероника быстро схватила

сумку, чтобы ехать с ними (Элеонора мысленно поблагодарила подругу: возможно, Вероника не осталась только потому, что поняла – снова будут ругаться, а она сгладит конфликт; Вероника тут же взгромоздилась на переднее сиденье и объявила, что, поскольку Дима выпил, она будет лощман, потому как сама она ни-ни, буквально бокал рислинга, а то, что она накурилась, так это обостряет внимание), а вот Лизу она толком не помнит. Лиза сидела на диване, хитрая как лиса, с волчьей собакой в обнимку – звериные сестрички. Лиза подожгла свой носок в камине, и запахло человеческим паленым волосом. Лиза в общей суматохе почти незаметно взяла из холодильника молоко и налила себе полный стакан и добавила льда и, позвякивая этой шаткой арктической безмятежностью, проплыла титаником на диван. Лиза вышла в коридор и, впрыгивая в перьевую массу чего-то вроде унт, сказала: мне тоже туда, куда и вы, подвезете. Снежная принцесса, белая ледышка, сама будто вылепленная из тумана. Сколько ей лет? Кто ее притащил, ей хоть восемнадцать есть?

Ехали сквозь туман, Дима молчал, Вероника всю дорогу болтала. Лиза очень внимательно смотрела в окно. Элеонору укачало на заднем сиденье. Она заснула.

А когда проснулась, обнаружила, что едет сквозь все тот же пористый, губчатый туман с незнакомым водителем вместо Димы и двумя незнакомыми девочками.

Наверное, ей подсыпали что-то в вино, подумала Элеонора. Поэтому люди кажутся ей младше себя самих или много старше (это про водителя – она успела заметить его немолодой, помятый сорокалетний профиль).

– Лиза? Вероника? – негромко позвала Элеонора.

– Да, да, Лиза и Вероника, – устало сказала старшая девочка, глядя вперед на дорогу. – Эта песня хороша, начинай сначала. Да, все верно! Я Лиза, а она Вероника. Или она Вероника, а я Лиза. Я обещаю, мы сменим паспорта. Я клянусь. Вот только мне исполнится шестнадцать, я приду такая царица в паспортный стол и скажу: смените меня на Веронику! То-то заживем!

– Даш, ну не начинай, у меня щас голова взорвется, – попросил водитель. – Чо ты злая такая?

– Ну я не могу уже, – сказала девочка. – Так еще час ехать, да? Жопа полная.

– Даша, я тебя прошу, – сказал водитель. – Сейчас ты первая начинаешь, между прочим. Она не начинала вообще ничего. Помолчи, она заснет скоро.

– Ага, а потом проснется, – сказала девочка. – И мне снова придется выбирать, я Лиза или Вероника. Скорей бы уже вырасти и не выбирать.

– Кто вы? – спросила Элеонора. – И что я здесь делаю? Где Дима?

– Давай ты заснешь, и потом. Когда приедем, – сказал водитель.

Элеонора подергала ручку двери. Дверь не поддавалась. Она подергала сильнее, еще сильнее.

– Да еб же твою мать! – закричал водитель.

– Я же тебе говорила, что она снова будет ручку дергать! – завизжала девочка.

Вторая девочка, пятилетняя или младше, проснулась от криков и начала испуганно икать. К ее вискам прилипли маленькие потные рыжие кудряшки. Элеонора посмотрела на нее с презрливостью, поймав себя на мысли: откуда ей известно, что на ее лице была именно эта эмоция, презрливость?

Первая девочка начала успокаивать вторую, протянув руку назад куда-то мимо Элеоноры.

– Тихо, тихо, – необыкновенно нежно проворковала девочка. – Чего это сестричка вдруг икает? Может быть, волчок из леса за ней сейчас придет? Когда икаешь, всегда волчок приходит. Волчок натренирован. Его обучали на этом звуке.

Элеонора прикинула: может, Вероника скрывала, что у нее есть младшая сестра – противная, змеистая и тонкая, как белый чулок, Лиза? И поэтому Лиза за ними и увязалась. Да нет, какая сестра. Просто Лизе понравился Дима – она посматривала на него с дивана, Элеонора

это сразу заметила. И когда Лиза увидела, что Дима уходит, – тут же вскочила, расплескавшись в сторону выхода, как опрокинутый стакан молока. Ведь по Элеоноре и Диме не очень-то было понятно, что они пара. Другьям их – да, было, но увидит ли посторонний? Ты, Лиза, посторонний, потусторонний, гневно подумала Элеонора. Она даже не надеялась, что Дима останется у нее, когда ее довезет, – обычно он придумывал какие-то гнусные предлоги поехать срочно домой высыпаться, и вот Лиза могла в такой ситуации сказать: ой, мне еще немного дальше, Элеонора бы вышла около своего одинокого серого дома, а Лиза поехала бы дальше и осталась у Димы ночевать. И наутро проснулась бы и икала – видимо, все-таки начинала с шампанского, а уже потом молоком его полировала.

Элеонора так рассердилась, что просунула руку под маленькую девочку и больно (почему больно, подумала она, откуда она знает, что делает больно?) ущипнула ее за что-то мягкое, да и вся девочка была в общем-то мягкая, будто вылепленная из теста на каком-нибудь провинциальном пекарском конкурсе.

Девочка завизжала.

– Папа, я так не могу больше! – заорала старшая. – Она снова на нас набрасывается! Давай ее вообще выбросим в лесу! Она нас задушит когда-нибудь!

Элеонора поняла: опасность, ее хотят выбросить в лесу. Она забилась, засуетилась, начала путаться в рукавах.

– Норик, зайчик мой, – сказал водитель. – То, что я тебе сейчас скажу, я уже семь месяцев говорю тебе много раз в день, одно и то же. Пожалуйста, успокойся и послушай меня. Сейчас ты услышишь что-то такое, что полностью перевернет твой мир. Норик, я твой муж Деник. Я тот самый Димин друг, который тебе понравился на той вечеринке. Мы начали встречаться после того, как Дима тебя бросил, поженились через два года, у нас родились две дочери, Дария и Александра, а потом ты заболела, тебе сделали сложную операцию на мозге, чтобы спасти жизнь, и, в общем-то, спасли, но у тебя временно повредилась кратковременная память, поэтому ты помнишь только то, что было десять-одиннадцать минут назад, раньше было десять, теперь чаще одиннадцать, поэтому ты поправляешься, ведь вначале было вообще две-три и ты постоянно переспрашивала, кто я, кто ты и что вообще происходит, и, как только я начинал объяснять, ты на полпути все забывала, а теперь это все как-то продлевается, и мы с тобой и девочками недавно даже начали смотреть мультсериал «Время приключений», потому что там серия длится одиннадцать минут. Все будет улучшаться. Когда закончится последний десятый сезон, ты выздоровеешь и сможешь посмотреть последнюю серию, которая, как мы уже прочитали в «Википедии», длится сорок минут, и там объясняется вообще все. Для тебя это сейчас звучит как полный шок, но, поверь, ты испытываешь такой шок двадцать-тридцать раз в день, по количеству десятиминутки, разбитых периодами сна, который для нас всех, скажем честно, благословение и счастье. И вот еще важное: по какой-то причине твоя долговременная память остановилась не на тех днях, когда уже обнаружилось, что у тебя в голове огромная сосудистая опухоль, а на вечер, где мы с тобой познакомились, но такое бывает иногда, сказал врач. Тем более что эта опухоль, наверное, еще тогда была, просто совсем маленькая, ее можно было найти разве что на МРТ, но не было же никакого повода делать МРТ, поэтому она вот росла и росла все это время. Это для тебя шок, но поверь, потом все постепенно восстановится. Тебе очень страшно, что ты не помнишь последние двенадцать лет своей жизни, и ты мне не веришь, но тебе всегда одинаково страшно, когда ты слышишь это, потому что всякий раз ты слышишь это впервые и всякий раз не веришь, но и к этому я тоже привык, для меня это рутина, видишь же, как я быстро и спокойно это все проговариваю монотонными интонациями, как реклама по радио. Потому что, Норик, я повторяю все эти слова каждый день много раз с различными вариациями, и я знаю про все твои возможные и невозможные реакции, как правило, они одинаковые, но самая спокойная реакция у тебя тогда, когда я говорю, что это все сегодня уже происходило множество раз, и ты искренне удивляешься и не можешь поверить,

но я-то совершенно спокоен, и мое спокойствие тебе передается, потому что я привык, что для тебя каждый день это все в первый раз, не поверишь, даже к этому можно привыкнуть, ко всему в жизни привыкаешь, даже к самому ужасному ужасу, вообще все – дело привычки, так что теперь мое общение с тобой включает этот ритуал знакомства каждый день по кругу, и я, в общем-то, смирился с тем, что ты на меня смотришь впервые и не можешь поверить, что эти две девки – твои и мои, но да, это наши с тобой девки, они дико классные, поверь, и Дашка тоже классная, ты понимаешь, она так страшно на это все злится, потому что она тебя очень любит и не может до сих пор это принять, детский психолог сказал, что она так защищается – агрессией, она, например, всю дорогу считает, что ты ей просто голову дуришь.

– Боже ж мой, – сказала Элеонора. – Я не верю ни слову, пусть и признаю, что...

– Что у меня действительно есть какой-то провал в памяти, – хором с ней продолжил водитель.

– Да, провал, – закивала Элеонора. – И у меня нет ни одной причины вам верить, но поскольку сама я вспомнить ничего не могу, я...

– Я вам поверю, потому что на данный момент мне проще принять уже навязанную мне картину мира, – хором с ней продолжил водитель. – Норик, милый, видишь же, я знаю сценарий слово в слово! Ты снова не поверишь, но человек, когда думает, что произносит какие-то слова впервые, всегда произносит те же самые слова, которые произносил в прошлый раз, особенно если он забыл про прошлый раз. Я даже думаю написать про тебя книгу или диссертацию, но это надо вначале поступить на психологию, а мне уже сорок два, я старый.

– Сорок два? – в ужасе переспросила Элеонора. И правда, совсем старый. – А что случилось с Лизой и Вероникой?

– Мама, я тебя прошу, перестань про них спрашивать! – заорала девочка Даша. – Каждый сраный день! Просто считай, что ты попала в такую вселенную, где за упоминание имен Лизы и Вероники тебя выбрасывают одну в лесу! Нормально, да? Вот и молчи.

– Но они же существуют? – беспомощно спросила Элеонора.

– Бля, Вероника к тебе сто раз приезжала, мама! – закричала девочка. – И ты с ней всякий раз обсуждала эту поездку в машине, и нихера это не помогло! Да она на прошлой неделе у нас была! Думаешь, ее это все не достало? Она уже из благотворительности просто приезжает!

– Даш, еще один мат, и я на даче интернет отключу, – спокойным голосом сказал водитель. – Ты знаешь, я всегда выполняю обещания.

– А куда мы едем? – убито спросила Элеонора, услышав слово «дача» (снова задумавшись о том, откуда она знает, что спросила именно убито).

– Да, едем на дачу, – сказал водитель. – Я поздно закончил работу, поэтому едем ночью. Два дня там будем – отдыхать, скворечники делать, траву жечь. Весна! Конец марта! Надо все к лету подготовить. Летом тебе там будет точно лучше, ты поправишься. Вообще, надо тебя на все лето туда отвезти.

Элеонора постучала по плечу старшую девочку.

– Ты можешь повернуться, чтобы я увидела твое лицо? – попросила она. – Ты должна быть на меня похожа, если ты моя дочь.

Девочка повернулась и оскалилась как волк.

В эту секунду на дорогу из тумана выбежало какое-то огромное животное, похожее на гигантского четырехлапого индюка с неправдоподобно длинными, как на картинах Дали, столбовыми ногами. Оно неожиданно медленно запуталось в лучах фар, будто в веревках, и начало вязко и неотвратимо плескаться впереди, разрастаясь, как серебряная лунная рыба в проруби, пока не налетело на машину.

Туман выключился, остались только свет и звук.

Когда Элеонора пришла в себя, она снова увидела туман. Много-много тумана. Туман лежал на ее коленях, руках, вытекал из машины, как разлитое молоко, и плыл, как ручей, по мартовской подснежной земле в сторону леса. Элеонора подергала ручку двери – она поддавалась, – и Элеонора отметила, что ее тело словно удивилось, хотя разум не зарегистрировал ничего. Ее разум ничего не регистрировал! Как такое возможно? И как возможно попасть в аварию – неужели это возможно для нее, и оно случилось с ней в ее личной персональной уникальной жизни, и человек, который вылезает из разбитой машины, – это именно она? Но почему она? Как реагировать на такую ситуацию? Жива ли она вообще? Видимо, жива, потому что это квантовая реальность, поняла Элеонора. Вероника ей рассказывала когда-то, что на самом деле смерти нет, а сознание – это квантовая функция бесконечного наблюдателя. Поэтому всякий раз в смертельных ситуациях сознание переносит тебя в те обстоятельства, где ты чудом выжил, – но на самом деле это параллельная Вселенная, отделившаяся от основной в момент твоей смерти: наблюдатель в тебе как бы пересаживается в следующий поезд, мчащийся дальше с тобой уже в качестве машиниста, – до момента следующей катастрофы, где ты снова пассажир, от которого снова отпочковывается неприкосновенный и вечный машинист. Таким образом, скоро мы все доживем до момента сингулярности, когда человеческое сознание наука сможет сохранять вечно. Во всяком случае, так считала Вероника.

Вероника! Элеонора, которая уже немного отползла от машины, успев понять, что руки и ноги целы и болят только ребра, помятые ремнем безопасности, поднялась на ноги и, шатаясь, побрела обратно. Вероника!

Тут же она подумала еще одну, совсем страшную мысль. Дима. Дима. Дима.

Машина сияла изнутри весело, как радиоприемник, испуская музыкальные праздничные гудящие лучи во все стороны тумана, но при этом частично торчала в дереве, поэтому радиоприемник был как бы сломан, музыка не звучала сквозь лучи и уже не зазвучит. Фары высвечивали лесную тропинку и мшистый распаренный ельник. На трассе лежал лось и тяжело вздыхал, ворочая рогом расплавленный асфальт. Элеонора подошла к лосю, посмотрела в его масляный туманный глаз. Лось ничего не почувствовал, он даже, кажется, не почувствовал ее взгляда. Живы в нем были лишь рог и дыхание, а сам лось уже не участвовал в последствиях учиненной им катастрофы.

Дима, дурак, зло подумала Элеонора. Зачем было пить? Это все из-за ревности? Как можно было заметить, что ей сразу понравился этот парень? Дурак, дурак, ненавижу, думала Элеонора, подходя к стекловидной звезде водительской части машины.

Это был не Дима. Это точно, наверняка, несомненно был не Дима. Хотя у этого человека было очень знакомое лицо. Элеоноре впервые в этой ситуации наконец-то стало страшно – и она радостно ухватила за этот страх как за понятную, ожидаемую эмоцию. Правда, страшно ей стало не из-за того, что она попала в аварию, а из-за того, что водитель был не Дима. Может быть, мозг ее обманывает? Может, это стадия неприятия реальности? Отрицание? Она не хочет верить, что это Дима, поэтому видит не Диму, а случайное знакомое дачное лицо.

Кроме Элеоноры и не-Димы, в машине в момент столкновения с лосем, как выяснилось, были две маленькие девочки. Одна вылетела на дорогу и спокойно лежала в пяти метрах от лося. Элеонора подержала руку на ее пульсе около двадцати секунд, пульса не было. Вторая продолжала сидеть в машине, она была очень маленькая, лет пять, не больше.

Элеонора потрясла детское сиденье, девочка застонала. Наверное, это все шок и ей от шока кажется девочка, подумала Элеонора.

– Ты кто? – спросила Элеонора. – Как тебя зовут?

– Александра, – ответила девочка и снова застонала. – Больно. Кресло больно. Я не могу сидеть креслом, там колет.

Элеонора осторожно высвободила девочку из кресла и взяла ее на руки. В девочке торчал какой-то кусочек детского кресла, рукоятка или винтик, не было точно понятно. По рукам Элеоноры текла кровь.

Да что же это такое?

– Телефон, – простонала девочка Александра. – Дай телефон. Позвонить. Бабушке позвоним. Папа говорил бабушке звонить, если что.

Девочка явно бредила, откуда тут на трассе телефон, а мобильного у нее не было, еще не заработала на мобильник, огромные деньги, не каждый себе может позволить. У Димы был, огромный черный аппарат с антенной, но это был рабочий мобильник, и он его не брал с собой на дачу, говорил: чтобы с работы не звонили, надо уметь отдыхать. Подумала, что лучше бы это был не Дима. Это точно не Дима, сказала она себе, мозг тебя не обманывает, ты видела другого человека. Или, может быть, ей подсыпали что-то в вино? Элеонора аккуратно положила девочку на землю, тут же подумав: земля запачкается. О том, что она сама запачкалась, Элеонора не подумала, хотя об этом тоже подумала: почему я об этом не подумала?

На ночной дороге не было ничего – ни машин, ни огней, только бледная лента тумана. Какая-то забытая дорога, подумала Элеонора. Может быть, ее похитили? Точно, ее похитили, накачав хлороформом, но лось вмешался и спас ее. Лось судьбы! Надо бежать, поняла Элеонора, а потом уже разбираться, кто похитил, и зачем, и куда этот бородатый мужик их вез, и куда делись Дима, Вероника и та, как ее, Лиза. Белый молочный чулок. Сразу ей не понравилась, всем чужая, ничья подружка, как она вообще попала на эту дачу, с ночной электрички, что ли, но станция далеко-далеко, небось тащилась через лес, и как она не испугалась.

Но и Элеонора не испугалась – надо идти в лес, поняла она, пока не всполошились друзня похитителей, явно их там целая банда, приедут разыскивать. Она было рванула в сторону елок вдоль автомобильного луча, но вспомнила: девочка же! Девочку надо забрать. Оставлять девочку было нельзя, ведь похитители явно утащили бы ее. Это торговцы органами, поняла Элеонора: детские органы явно более нужны, чем взрослые, вот и похитили ее и двух девочек. Ужас, ужас. Элеонора даже пнула притихшего лося, представив на его месте неприятного водителя. Девочка тоже показалась ей неприятной, но ее было почему-то ужасно жаль. Элеонора подняла девочку – тяжелая! – прижала к себе и пошла в лес.

Фонарь высвечивал дорожку. Элеоноре было сразу понятно, куда идти, у нее не было ни единого вопроса: девочка и ее уютная липкая тяжесть будто сообщали ей уверенность. Она шла, пока автомобильный луч вдаль не рассеялся окончательно, а потом почувствовала усталость – руки гудели, что-то ворочалось в груди, трещали ребра. Привалилась к дереву, положив девочку на себя, и заснула.

Проснулась Элеонора от холода. Вокруг был туман, ночь и странный бледный свет, как от прожекторов, бьющих прямо из земли. На ее груди, подсвеченная этим бледным светом, лежала такая же бледная девочка и стонала.

Какой ад, подумала Элеонора, что вообще происходит, как я тут оказалась. Мысленно перебрала события вечера, как стеклянные четки в кармане. Вот они с Димой и Вероникой приехали на дачу к этому... к этому, который положил зачем-то палку корицы в грог, и Элеонора просияла, как электрическая дуга, а ведь она ненавидит корицу – почему же такая радость на этот раз? Потом Дима приревновал к этому коричному королю, дачному принцу, и потребовал срочно ехать домой, и Вероника увязалась с ними, чтобы погасить разгорающийся конфликт, и за ней поплыла эта собачья выпь, эта молочная карамель, чья-то чужая знакомая с леденцовыми глазами – положила уже эти глаза, как монетки, на тяжелые багровые Димины веки. Элеоноре было даже сидеть рядом с ней неприятно, от нее будто пахло болотом, но Вероника сразу заявила: я буду сидеть впереди, туман, за туманом ничего не видно, о, давайте песни петь, да?

И вот такая песня: в следующую секунду Элеонора оказывается в сумрачном лесу. Какой ужас, подумала она, вот и со мной это произошло – невероятная херня из области немислимого: мы просто ехали домой, а потом я обнаружила себя в лесу с мертвым младенцем в руках, как в стихотворении Жуковского. Лесной царь, значит, младенца забрал. Где-то он тут должен быть, лесной царь, пусть заберет его совсем, младенец тяжеловат.

Девочка застонала. Видимо, лесной царь не до конца справился, старенький стал.

– Я Александра, – простонала она. – Ты моя мама. Ты потеряла память. Ты болела, и тебе отрезали что-то в голове. Но ты поправишься. А пока ты все забываешь. Тебе каждый день надо это напоминать. Я твоя дочка, ты меня очень любишь.

Девочка выпалила это все на одном дыхании, точнее, на одномestone.

– Ты что, – засуеилась Элеонора. – Ты что, что это такое говоришь?

– Папа научил, я это всегда повторяю, когда ты забываешь, кто я. Ты поправишься. А я поправлюсь?

Девочка выглядела плохо – или просто освещение было так себе.

– Господи, – сказала Элеонора. – Это же какой-то фильм ужасов. А как мы с тобой сюда попали? Почему ты липкая, у тебя кровь?

– Мы ехали на дачу, – сказала девочка Александра. – С папой и Дашей.

Так, значит, Даша – это вторая ее дочка. А папа кто?

– Как папу зовут? – спросила Элеонора.

– Деня, папа Деня.

Тот, с кем она познакомилась вечером? Или нет? Элеонора всмотрелась в лицо девочки – будут ли там следы этого коричневого шлейфа? Тут ее саму словно сложило пополам странной, разрывающей тело душевной болью – девочке плохо, она стонет, она ранена. Надо помочь, перебинтовать, спасти. Шарф? Элеонора сняла шарф и осторожно обмотала вокруг девочки – ее бок был в крови, и оттуда что-то торчало, может быть, ребро.

Элеонора порылась в карманах. Пусто.

– Надо выйти к машине и позвать на помощь, – сказала Элеонора. – А там разберемся, кто кому мама и что мы делаем в лесу. Больно?

– Больно, – ответила девочка и замолчала. Элеонора взвалила ее на спину и пошла непонятно куда.

Так она шла пять, шесть минут – пока не заметила, что из-за молчания ее мысли стали останавливаться, подтормаживать, вытекать из-под нее, как кровь. Элеонора подпрыгнула на мшистой лесной подушке, хорошенько потряхнув девочку Александру. Девочка застонала.

– Кто я? – спросила Элеонора.

– Мама, – ответила Александра.

– Послушай, – сказала Элеонора. – Я не до конца во все это верю, но фактически я вижу: какое-то нарушение памяти и правда есть, какой-то провал. Со мной точно что-то не так. Так что, если я снова все забуду, напомни мне. И скажи: нам надо выйти к машине. Чтобы выйти к машине, надо идти в сторону луны, в обратную сторону тумана. Я не уверена, что там шоссе, но, если долго идти в одну сторону, рано или поздно выйдешь к шоссе. Будешь напоминать?

– Да, – простонала Александра. – Больно. А скоро будет не больно?

– Вот дойдем, и не будет, – сказала Элеонора. – Разговаривай со мной, чтобы я не потерялась снова.

Элеонора рассудила так: даже если девочка бредит, в любом случае лучше верить девочке, потому что ей самой, Элеоноре, сейчас верить нельзя. По версии девочки, они ехали на дачу дружной огромной семьей, частью которой невероятным образом являлась Элеонора, потом что-то случилось, и они оказались в сумрачном лесу. Сама Элеонора помнила только сонную лунную Димину машину с противной Лизой, высматривающей в окне – что она могла там высматривать? свою тоненькую смерть? свою туманную сестру?

– Лиза, может быть, нам не по пути, – тихо сказала Элеонора, когда Лиза вывалилась в сени и начала засовывать свои костяные птичкины ноги в две перьевые колоды, каждая размером с дом. – Ты бы спросила, в какой район мы едем, кто где живет.

– Не важно, – сказала Лиза. – Мне по дороге. Это точно. Вот по той дороге, по которой вы.

И теперь: кровавая девочка, лесная подстилка, низкий масляный туман. Элеонора вдруг почувствовала, что девочка превращается в пустой травяной мешок с мышами, и снова трянула ее изо всех сил. Девочка заплакала:

– Больно! Я Александра. Ты моя мама. Ты потеряла память. Нам надо выйти к машине. Надо идти в сторону луны, в обратную сторону тумана.

Элеонора восхитилась: какая идеальная память у ребенка, несмотря на травму! Может, это и правда ее дочь. Ведь у самой Элеоноры всегда была отличная память. Она все не могла забыть, как эта горькая полынная Лиза смотрела на Диму и как хозяин дачи смотрел на нее, Элеонору. Тут же Элеонора вспомнила: памяти у нее больше нет, получается, не такая уж и хорошая у нее память, и человек она тоже не очень хороший – вместо того чтобы думать о том, как поскорей выбраться из леса и найти способ доставить девочку в больницу, она анализирует сальные пьяные взгляды с этой проклятой вечеринки. В голове вертелась не менее сальная и пьяная песня «Гражданской обороны», которую все зачем-то пели хором, – о том, как ходит дурачок по лесу. Интересно, зачем он ходит по лесу и ищет кого-то глупее себя? В лесу никого нет, только звери, и все они глупее, если подумать. Хотя, с другой стороны, в лесу всякий зверь точно умней человека. Стоп, какие звери, о чем речь.

– Александра, – она снова трянула девочку, вдруг почувствовав, что шарфик на ее маленькой пояснице пропитался кровью.

– Александра, – сонно отозвалась она. – Ты моя мама. Мы ехали на дачу. Дашка кричала. Папа в лес с нами не пошел. Ты потеряла память. Идти в сторону луны.

Шли, шли в сторону луны, дошли до мелкого ручья. Элеонора положила Александру на прохладный лунный мох, который был как мех (и тут же подумала: это цитата откуда-то, но откуда?), потом наклонилась попить, горло обожгло серебряным льдом. Подумала: надо промыть Александре раны, это наверняка чистый, целительный ручей, практически родник, серебро убивает микробов. Как бы столбняк не схватила девочка. Элеонора размотала шарф, прополоскала его в ручье. Потом начала раздевать девочку – та была уже без сознания или спала. В боку девочки торчала какая-то железка – или это было ребро, похожее на железку. Элеонора осторожно вытерла это место мокрым шарфом, потом начала обматывать шарф вокруг девочкиной груди. Девочка очнулась и стала кричать.

– Кто ты? – спросила Элеонора.

Никогда, никогда, никогда в своей небольшой странной жизни она не могла представить ситуацию, где она просто на секунду закроет глаза по дороге домой в теплом, мягком, как коровий живот, гудящем организме автомобиля – и вдруг очнется на берегу тихого туманного лесного ручья с голой окровавленной девочкой в руках.

Наверное, мне насыпали галлюциноген в вино, подумала Элеонора. Или грибы, чертовы грибы. Господи, пусть бы это только были грибы! Дима рассказывал ей – в прошлый раз (тогда они с Элеонорой не были знакомы, это было до Элеоноры, точно, точно, нечего и переживать) они на этой даче все дружно ели грибы, которые хозяин дачи насобирав минувшим летом в специальных полях, и потом было весело и страшно, и кто-то в панике убежал голый в лес, и над ним потом ужасно смеялись. В этот раз, кажется, грибов не было, все смирно, как школьники, по кругу курили мелкую едкую сигарету-самокрутку, но хозяин дачи – ведь он же принес ей отдельную кружку с грогом! Видимо, насыпал туда толченые грибы с той прошлой вечеринки, хотел посмотреть, как она голая в лес побежит, точно! Но теперь тут голая девочка. Какой ужас.

Элеонора поплескала девочке водой на лоб. Девочка очнулась.

– Александра, – простила она. – Ты моя мама. Ты потеряла память. Я твоя дочка. Мне больно. Папа в машине. Ты меня любишь. Идти в сторону луны, придем к бабушке на дачу.

Элеонора плеснула водой себе на лицо.

– Я тебя люблю? – переспросила она у девочки.

– Больно, – ответила девочка. – Я тебя люблю, ты моя мама. Ты потеряла память. Папа говорит: всегда повторяй это, если мама спросила я тебя люблю.

– Тебе тяжело разговаривать, – сказала Элеонора. – Не говори.

– Тогда ты забудешь, – сказала девочка.

Я попала в фильм по Стивену Кингу, поняла Элеонора. Это у него вечно появлялись такие девочки, которые были все насквозь продырявлены, но при этом складно говорили и спасали мир. Эта девочка говорила как по писаному, будто заученные фразы. Может быть, она говорит правду? Элеонора вполне могла потерять память. Сколько ей лет?

Элеонора посмотрела на свои руки. Выглядят ли они в лунном свете как руки тридцатилетней женщины? Как вообще выглядят руки тридцатилетней женщины? Они должны быть морщинистыми? Пальцы Элеоноры были морщинистыми от полоскания в ручье.

Она взяла девочку на руки и пошла в сторону луны. Даже если девочка бредит, ее необходимо спасти. Если она не бредит и она действительно дочь Элеоноры – что ж, это тоже может оказаться правдой. Элеонора рассудила так: если она вдруг ни с того ни с сего оказалась в лесу с голой девочкой, эта ситуация точно ненормальная и сигнализирует, что у нее беда с головой. Если у нее беда с головой – а это в данном случае очевидно, – то она с такой же вероятностью могла и потерять память, отчего нет. А если она потеряла память, то она вполне могла оказаться в лесу с голой девочкой – причем оказаться каким-нибудь логичным способом (может быть, они пошли погулять в лес и заблудились, а на девочку напали злые волки, оставив в ее спине какую-то свою волчью запчасть), но забыть о нем начисто.

Элеонора старалась идти быстро, мысли в ее голове куда-то утекали, как туманное молоко, – ей казалось, что ее голова кровоточит туманом точно так же, как девочкина спина кровоточила не совсем туманом. Когда тумана стало слишком много и Элеонора поняла, что сейчас заснет на ходу, она хорошенько трянула девочку, мысленно ужасаясь тому, насколько естественно ее тело откуда-то вытащило из своей библиотеки жестов именно этот, самый бессердечный – но, может, и самый спасительный для них обеих – жест.

Девочка очнулась, сказала, что ее зовут Александра, что ей больно, что Элеонора ее мама, и что им надо идти в сторону луны против течения тумана, и что Даша идет с ними в резиновых сапогах. Девочка бредила. Но зато Элеонора вспомнила, что почти забыла про течение луны, – а это, судя по всему, была очень важная информация, раз девочка была обучена ее повторять. Элеонора восхитилась: девочка еле-еле живая, но такая молодец, повторяет все, как радиоприемничек, как человек-блукнот. Понимает, что от этого зависит их жизнь. Возможно, она и правда дочь Элеоноры – сама Элеонора, несмотря на кажущуюся безалаберность, была жутко цепкая и живучая – она словно забирала у жизни лишь то, что может максимально ярко поддерживать тление и пожар этой жизни, и отрицала, выбрасывала все, что могло бы это тление потушить.

Теория плавного отрицания смерти, цепкой пирамидкой сложенная в голове Элеоноры, рассыпалась бумажной лентой домино ровно в тот момент, когда она нашла на пне мертвую сову. Вначале ей показалось, что это спящая сова, но оказалось, что сова снулая и с пня сползает. Это была очень красивая сова – пестрая, как кинофильм. Элеонора положила девочку на мох, подняла сову, посадила ее обратно на пень, сова сползла и упала. Сова была еще теплая. Возможно, она в коме, подумала Элеонора. Надо ее куда-то отнести – обычно, если находишь сову, несешь ее в совиный приют. Но как ее отнесешь, если тут уже девочка? Сова была не такая тяжелая, как девочка, но довольно увесистая. Я смогу донести кого-то одного, с грустью поняла Элеонора. Возможно, помощь нужна и девочке, и сове, но отнести в спасительное сия-

ние приюта она сможет лишь кого-то одного. Но почему-то в ее голове крутилась неприятная мысль: спасу сову, спасу и девочку. Спасу сову, спасу и девочку.

Элеонора опустила на землю, обняв спящую сову. Закрыла глаза. Ей захотелось проснуться дома или на той даче. Может быть, она сейчас там и проснется? И окажется, что они все ели те чертовы грибы и кто-нибудь убежал голый в лес – например, та придурочная Лиза, а потом все проспались и проснулись свежими умытыми зайчиками, сотканными из росы и паутинок?

Элеонора открыла глаза, обнаружив себя в туманном лесу в обнимку с мертвой совой. В ее голове звенела фраза: спасу сову, спасу и девочку. Спасу сову, спасу и девочку.

Какую, мать вашу, девочку, подумала Элеонора. Наверное, это какое-то предсказание: скажем, на вечеринке – не на той, на другой, конечно же, – гадалка напроорочила ей что-то нелепое вроде «и ты очнешься в туманном лесу с мертвой совой в руках», а потом Элеонора выключается и в самом деле обнаруживает себя в лесу с мертвой совой. Возможно, ей подсыпали грибов? Она слышала от Димы, что хозяин дачи иногда употреблял грибы и угощал других – и творились страшные вещи. Видимо, от грибов она убежала в лес, задушила там сову – и вот.

Господи, подумала Элеонора, только бы не оказалось, что я и правда задушила сову. Она задумчиво положила сову на пень. Способен ли человек под грибами на убийство? Или убийство совы ей просто кажется? И тут она увидела девочку.

О нет, о нет, подумала Элеонора, о боже мой правый, еще и это.

В ее голове будто бы кто-то пытался быстро-быстро сложить кубик Рубика, где все грани были одинакового звеняще-желтого цвета, но некоторые грани звенели чуть-чуть иначе, и в этом была разгадка, сообщить которую разгадывающему не было ни одного легального способа. Может быть, это жертвоприношение, подумала Элеонора, отчего нет. Она, например, только что в беспамятстве задушила сову, а теперь задушит еще и девочку. Осталось понять, во имя чего она потащилась под грибами в лес с совой и девочкой и кто позволил этому произойти. Наверное, это секта, подумала Элеонора. И в ней все жрут грибы и делают чудовищные вещи с девочками и совами. Не надо было ей соглашаться ехать на эту дачу. И вот та же Лиза – она точно выглядела как сектантка. Прозрачная, клейкая, как лента для мух, – даже мнились вдоль нее некие полупрозрачные безротые стекловидные мушинки.

Элеонора в ужасе потрясла девочку.

– Ты живая?

Девочка открыла мутные глаза и пробормотала:

– Меня зовут Александра. У тебя в кармане записка. Нам надо выйти к шоссе. Мама, а где Даша?

Девочка увидела лежащую вдоль пня сову со свесившимися вниз крыльями. Сова выглядела как потрепанный индейский головной убор вождя.

– О, Даша, – обрадовалась девочка, – Даша устала тоже. Я еще посплю. Как Даша посплю.

Кукла Саша, кукла Даша. Надо же, подумала Элеонора, вот я читала раньше о том, как люди теряли память, сходили с ума, забывали полностью свою личность и биографию, впадали в диссоциативную фугу и решали, что они – целиком другой человек с принципиально иной судьбой, и кто бы мог подумать, что со мной тоже случится такое. Это же все выглядит как правда, как реальность. Это невозможно, немыслимо, но вот оно: сова, пень, раненая девочка, сову зовут Даша, девочка хочет поспать как Даша. Нет, невозможно допустить, чтобы девочка поспала как Даша, девочку надо спасти – даже если она жертва сектантов, даже если они все жертвы сектантов и девочку уже почти жертвопринесли, все равно есть шанс ее спасти. Элеонора потрогала лоб девочки: горячий как камин. Нужно в больницу.

Она поднялась, начала оглядываться. Потом позвала:

– Эй! Тут есть кто-нибудь? Мы тут одни?

И тут же на нее из туманной чащи, словно привидение, выскочила Лиза, похожая на подснежник, выстреливший из талой воды.

– Наконец-то! – заорала Лиза. – Ура!

– Лиза! – Элеонора никогда в жизни не была так счастлива видеть Лизу, как сейчас, пусть она и познакомилась с ней буквально несколько часов назад. – Лиза! Господи, как хорошо, что ты тут! Что случилось? Как мы тут оказались? Мы заблудились? Мы попали в аварию? Ты знаешь, что это за ребенок?

Лиза, улыбаясь, подбежала к сове и попробовала сложить ее крылья ровненько.

– Это сова, – раздраженно сказала Элеонора. – Это не ребенок. Вот девочка, она ранена. Может быть, на нее напали волки, я не знаю. Надо срочно в больницу. Мы заблудились, да?

Лиза наконец-то сложила сову в ровную хохлатую пирамидку.

– Это все ерунда, Норик, – сказала Лиза. – Не волнуйся. Пойдем, я тебя выведу. Я знаю, куда идти.

– Я не могу оставить девочку, – сказала Элеонора. – Она в бреду, говорит, она моя дочь. Я хрен знает что происходит, но ей нужна помощь срочно. Как мы тут оказались?

Лиза неопределенно махнула рукой куда-то в сторону течения тумана.

– Димка машину разбил? – в ужасе спросила Элеонора. – И я мертвая, да?

– Господи, ну что за бред, – ответила Лиза. – Лось. Это лось был. Мы реально чуть не сбили его, чуть с дороги не слетели, еле остановились на обочине. Чуть не убились. Димка молодец. Потом мы вышли посмотреть, подышать воздухом. Протрезветь немножечко. Потом ты сказала, что тебе надо в туалет, и пошла в лес. И пропала. Мы уже сто раз протрезвели, потом мы пошли тебя искать в разные стороны на сорок пять градусов, а Вероника в машине осталась. Ну и вот я тебя нахожу – с мертвой совой и ребенком в руках. Тут что, жертвоприношение было?

Элеонора запнулась.

– Вот и я подумала... Что жертвоприношение. Сова совсем свежая, вот-вот умерла. Я даже подумала: ну вот, наелась грибов, задушила сову. Нет мне прощения.

– Мы не ели грибы, успокойся, – сказала Лиза. – Пойдем, тут совсем близко.

Элеонора с девочкой в руках пошла за Лизой. Через каких-то пятнадцать шагов Лиза остановилась.

– Тут, – сказала она. – Вот тут. Стой.

Она присела, немного пошуровала рукой под деревом, улыбнулась.

– Видишь? – спросила она у Элеоноры. Под деревом в лунном свете сияли какая-то переливчатая звездная труха и мелкие молочные косточки.

– Кости какие-то, – сказала Элеонора.

– Вовсе не какие-то, – возразила Лиза. – Попробуй их присыпать чем-нибудь. Ну, чего стоишь. Дерном, что ли. Землей. Мха накидай сверху. Девочку положи пока.

Элеонора посмотрела на Лизу с ненавистью.

– Я тебя не выведу из леса, – покачала головой Лиза. – Даже не думай. Не выведу, если не сделаешь, что я говорю. Так что делай лучше, что я говорю, я все тебе правильно говорю. Вот, молодец. Умница. Дерну, дерну больше давай. Вон тот кусок вырви – отлично, молодец, я знала, что ты справишься.

Элеонора кое-как присыпала косточки землей и огромными губчатыми ломтями морозистого мартовского мха.

– Все, – сказала Лиза. – Отлично теперь. Где там сова была, сбегай притащи. Положим сову наверх, чтобы совсем все как бы шито-крыто.

Элеонора поняла, что в ее ситуации лучше делать все так, как говорит Лиза, – она вернулась за совой, взяла ее за крыло и потащила к горке дерна, уложила сверху.

– Так, так, – командовала Лиза. – Отличная сова. Просто красотища. Всем совам сова. Крылья поправь только, ну, сложи ровно, то есть нет, не то, разложи их, выпрями! Отлично. Хорошо, что выпрямляется, не окоченела еще. Вот-вот коченеть начнет. Плохо, если бы зако-
ченела.

Лиза отошла, полюбовалась.

– Молодец, – сказала она Элеоноре. – Великолепно. Ты умница. Все, пойдем, я тебя выведу на дорогу теперь. Спасибо. Бери девочку, времени мало, она устала страшно, потеряла много крови, срочно в больницу нужно.

Элеонора как-то чересчур привычно – словно делала это уже сто раз до этого – взяла девочку, как дорожную сумку, полную бесценной памяти, и побрела за Лизой. Лиза будто бы отлично знала лес: пригнувшись, бесшумно скользила между стволов, виляла, как лисица и ручей, почти не издавая звуков, – Элеонора же гремела лесным оснащением как бронепоезд.

– Ты хорошо знаешь лес, – сказала Элеонора.

– Ну так сколько я уже тут.

– Сколько? – спросила Элеонора.

– Ну, угадай сколько. Лет двенадцать минимум. Выросла фактически в этом лесу. Если можно так говорить, конечно. Но да, выросла.

– То есть как? – не поняла Элеонора.

– Ну заблудилась же, ну, – сказала Лиза. – Не ты заблудилась, а я.

– Но почему ты так хорошо знаешь лес, если заблудилась?

– Когда заблудилась, не знала еще, конечно, – уклончиво ответила Лиза.

Элеонора осторожно сообщила Лизе, что теперь вообще ничего уже не понимает.

– Ну господи, – возмутилась Лиза. – Писали же все! Девочка, маленькая, заблудилась в лесу, жила на дачах тут рядом, пошла по грибы-ягоды, пока родители шашлыки жарили, искали ее две недели или больше, леса тут прочесывали все, поисковый отряд «Ангел», вы что, объявления не видели? Да в газетах во всех писали. Ты не читала разве?

– Читала, – сказала Элеонора. – Конечно читала.

– Ну вот, – сказала Лиза. – Это я. Я заблудилась. А когда нашла выход, уже было поздно.

– И что? – спросила Элеонора.

– И все, – ответила Лиза. – Поздно.

Туман начал рассеиваться, сквозь лес повеяло теплой волной летнего рассвета. Девочка на руках Элеоноры тихо сопела, и Элеонора старалась ступать тихо, чтобы не трясти ее.

– Вот, – сказала Лиза, указывая рукой на бархатно-синюю, индиговую полосу света впереди, – все, тут дорога, там тебя ждут. Только скажи им сразу, чтобы в больницу мчали, у нее жуткое обезвоживание и ее укусила лисица, но не бешеная, обычная, хотя уколы от бешенства все равно, наверное, поставят. И сама тоже потом в больницу съезди обязательно, МРТ головы надо сделать – там совсем ранняя стадия, все легко лечится, все хорошо будет. А я дальше не иду, я все теперь.

– А ты что? – спросила Элеонора. – Тебе же домой надо было.

– Я уже все, – упрямо повторила Лиза. – Мне не надо.

– Ты теперь дома? – задохнулась Элеонора от ужаса понимания. – Это твой дом теперь навсегда?

– Бля, нет, – сказала Лиза. – Ты чо, сдался мне этот дом, и так надоел страшно за столько лет. Нет, я уже в принципе все, меня теперь просто нет, ура. Иди-иди давай. Там все уже с ума сходят, и этот дурак твой – кстати, лучше сразу его бросай, он на меня так смотрел! – и подруга твоя. Волнуются. Давай-давай, иди.

И помахала Элеоноре рукой. Элеонора вышла из леса на шоссе и сразу увидела машину.

– Что за... – сказал Дима. – Что за херня, что за... Ты где была и кто это?

К Элеоноре, всхлипывая, подбежала Вероника.

– Живая, живая! Мы два часа тебя искали, думали, уже всё!

Тут она тоже увидела девочку.

– Это как? – спросила Вероника.

– Быстро в машину, – сказала Элеонора. – Нам нужно в больницу. Я нашла ее в лесу метрах в тридцати от дороги. Когда тащила, споткнулась, упала головой об пень, сознание потеряла, наверное, вот на эти два часа. Страшное обезвоживание, и ее какое-то животное покусало за бок. Но живая, живая.

– Это триндец, – сказал Дима. – Ты ненормальная. Я глазам своим не верю. Этот мудака нам что, грибов в вино насыпал?

– Он не мудака, – ответила Элеонора. – Поехали скорей. Лиза с нами не поедет, она тут вышла, тут ее остановка как бы.

– Какая, блять, Лиза? – заорал Дима. – О ком ты вообще? Что ты несешь? Тебе тоже нужно в больницу, мать твою! Ты головой ударилась!

...Туман рассеялся. Девочка тихо-тихо дышала на коленях у Элеоноры. Вероника, которая всю дорогу обнимала Элеонору за плечи, тихо шепнула ей в ухо:

– Ты тоже думаешь, что это та девочка, которая потерялась? Все про нее писали... Две недели! Ты думаешь, ребенок может выжить в лесу две недели? Что она вообще там ела – грибы какие-то? Мох?

– Да, наверное, мох, – послушно кивнула Элеонора. Она все не могла поверить, что наконец-то выбралась из этого страшного фильма. На секунду ей почему-то показалось, что эта девочка – ее дочь, но тут же поняла: нет, ничего общего, девочка эта – как бутылка сильно разбавленного речного молока, а она, Элеонора, – жидкое рыжее золото, ее дочка будет другой, обязательно будет другой.

– Офигеть, – продолжала шептать Вероника. – То есть если бы не этот лось, который нас троих чуть не угробил, мы бы тут не остановились. И ты бы ее не нашла. Так не бывает! Это же лось судьбы!

Девочка заворочалась, что-то пропищала.

– Как тебя зовут? – спросила Вероника.

– Лиза, – ответила девочка.

– Ну и славно, – ответила Вероника. – Скоро будешь дома. Это и правда была твоя остановка.

Элеонора закрыла окаменевшие от тяжести глаза. Но ей не было страшно – она точно знала, что, когда проснется, ничего никуда не исчезнет, и впереди больше не будет никаких кошмаров, никаких ужасов, ни боли, ни крови, ни беспамятства, и главное – никакого больше тумана, нет-нет-нет.

Музыка для восемнадцати музыкантов

Нина встретила себя на том же месте, где Нина уже встретила себя девять лет назад, поэтому все, что Нина знала про себя на этот момент, показалось ей неуместной, жаркими швами жмущей в плечах и бедрах (Нина с тех пор поправилась на шесть, будем честны, семь килограмм) неправдой.

– Нет, – сказала Нина вслух против ветра, шлепнувшего ей волосами по губам как бы заранее в ответ. – Неправда.

Нина, как и девять лет назад, сидела на берегу на узком, как гигантская спичка, корабельном бревнышке, глядя в телефон и отвернувшись от моста. По ее лицу непрерывно шла серая волна ряби, и вся она была как фольга или фотография. Это была та же волна, что шла позади, фоном, на горизонте, – поэтому можно было подумать, что какое-то наложение, наложение памяти, – но Нина, как и девять лет назад, выхватила из кармана телефон и зашелестела по соленому экрану тревожной птичьей щепоткой: увеличивайся же, не иди же смотреть прямо тебе в лицо (тогда так и не осмелилась).

Тогда, девять лет назад, Нина вышла в этот вид из-за медленного каменного поворота, скрывавшего стройку, шоссе, пустырь и медленный оперный танец сотни клокочущих ненавистью желто-песчаных бульдозеров, – и выдохнула с такой отдачей, что легкие, казалось, вывернулись наизнанку и надулись перед ее лицом, как нежнейший сетчато-серый пузырь с розовыми коралловыми ниточками.

– Это же счастье какое-то! – закричала Нина тогда неизвестно чему, но в той ситуации, формально, – подруге Оксане Хернандес-Фароа, в гости к которой, удачно вышедшей замуж за человека с уже забытым именем (Хуан? Хесус? Хорхе?), но незабываемой фамилией, она тогда и приехала в Сан-Франциско, впервые в своей тогда еще мелкой, неглубокой жизни. – Ты не говорила! Он же на всех фотографиях – другой! Он там не про счастье, а про несоответствие масштаба! А тут он про счастье!

Оксана Хернандес-Фароа уже владела на тот момент небольшой сетью ювелирных магазинчиков в Чайнатауне и поэтому имела несколько другие представления о счастье, но восторженной Нине приходилось поддакивать, Нина тогда была будто на сверхлегких, как шалый дачный самолет, наркотиках, хотя в то время уже перестала пить таблетки. Именно тогда это и случилось – когда Нина начала объяснять Оксане Хернандес-Фароа свою шаткую концепцию о счастье как наложении сущностей.

– Сейчас объясню, – щебетала Нина, восторженно глядя, как на мост наваливается, как пьяная медведица, разваренная бугристая туча тумана с рассыпающимися фиолетовыми краями. – Я хочу запомнить этот момент – сейчас я абсолютно счастлива, допустим, да?

Да, да, кивала Оксана, уже подуставшая от закоротившего, искрящего оптимизма подруги.

– И я в порядке, – повторяла Нина. – В порядке уже давно, я пережила крах всего, прошла через ад и вышла живая, и даже сковородку выдали в подарок, предположим. Справилась, видишь. Не рыдаю. Не дрожу больше как кисель. Таблетки полгода пила. Всё, как новенькая! Как новый трамвайчик на рельсы поставили, и еду. Но вот в чем дело. Та, прошедшая я – предыдущая версия, депрессивная, в которой я хочу сдохнуть, – никуда не делась. Она есть. И она никуда не исчезла. И никуда не исчезнет. Вот это и есть главное про счастье. Это вообще главное про взрослую жизнь. Когда ты другая, это не значит, что предыдущая исчезает. Она просто где-то еще. Просто отдельно.

Тут Нина увидела вдалеке саму себя – но как раз ту, другую, депрессивную, еще до таблеток. Она сидела на бревнышке и вертела в руках телефон. Было понятно, что сливочные, туго

скрученные, будто рогастики, сан-францисские туманы ее не волнуют. Нина подумала: голые щиколотки, не холодно же ей. А потом поняла: ей тогда тоже было не холодно.

– Нифига себе, – сказала она Оксане. – Смотри, какое совпадение. Я тебе только что сказала, что я прошлая никуда не исчезла и не растворилась, просто отдельно. И вот я там сижу. Отдельно. Никуда не исчезла. Ой, ужас какой. Я всегда знала, что все у меня странно, но, блять, чтоб так!

– Да, это правда ты, – покорно согласилась Оксана. – Давай подойдем. Скажем, как тебе сейчас замечательно.

Оксана была готова уже на все и ничему не удивлялась: Нина жила у нее уже неделю; до этого Нина никогда не была в Сан-Франциско, поэтому всю неделю она в основном восторженно визжала в троллейбусах, взалхлеб фотографировала морских котиков и всюду рассыпала шуршащие бумажки от бесплатных сэмплов смородиновых конфет местной шоколадной фабрики.

Нина покачала головой:

– Обычно, когда подходишь, сразу видно, что нет. Это как с мертвыми друзьями: видишь его через дорогу, хочешь перебежать, волнуешься. И если не перебегаешь – то это был он. А если перебежишь – то обозналась. Я просто сфотографирую ее, чтобы запомнить этот момент.

Нина чувствовала: если совпадает, то необходимо запомнить, там шов, бывшая прореха, застывшая лава заделанного чем-то неуловимым провала. Ей казалось, что она так и существует, прыгая от шва к шву, будто скачет по столбикам торчащего из распаренной невидимой туманной воды разрушенного пирса. В отсутствие держащей мир горизонтальной поверхности реальность выглядит как эти игольчатые царапины поддержки несуществующего, и шахматное передвижение по ним в тревожных попытках не соскользнуть в туман и есть, в принципе, жизнь. Сам пирс как поверхность Нина не чувствовала и не верила в него, пусть и подозревала, что все остальные так и ходят каждый свою индивидуальную вечность по гладким воцеленным доскам предполагаемой цельности.

– Было бы клёво подойти к ней и сказать: не бойся, все это пройдет. Сказать: подними голову, над тобой самое красивое место в мире. Ты тут через год счастливая гуляешь в белых-белых кедах, и над тобой смеются велосипедисты, потому что грязь и белое тут не носят, но счастье же!

– Такое ощущение, что я тебе в еду какие-то стимуляторы подмешиваю, – сказала Оксана. – Или на тебя этот туман так влияет.

На этом момент закончился и Нина перестала помнить. Налетел хрустальный, прозрачный ветер с запахом хны и вчерашних морепродуктов, кромкой воды промчалась компания из пяти разномастных собак, как в рекламе собачьей еды.

На этот раз Нина приехала в Сан-Франциско одна, Оксана давным-давно переехала во Флориду, там у них ювелирный дом до неба (пусть там и низкое небо, удовлетворенно подумала Нина) и бриллиантовая двойня; а Нина, вероятно, хотела снова пережить ощущение того невероятного, непередаваемого счастья и поехала в свой несчастный скорбный отпуск именно сюда.

И тут такое совпадение: уже вторая встреча с собой. Может быть, это Нина того, девятилетней давности, счастливого периода? Нет, покачала головой, все та же – грустная, старая, давняя. То есть, поправила себя Нина, грустная, молодая, давняя. Немного, кажется, повзрослела (издалека не рассмотреть), прическа другая – или стала красить волосы, чтобы скрыть не самую красивую, цвета пожилой беспородной собаки, седину, – но по-прежнему голые щиколотки и бесподобный ранний ноябрь. Нина сидела, отвернувшись от моста, и что-то вяло скроллила в телефоне с безразличным видом. Не может быть, чтобы одна и та же девушка за девять лет совершенно не менялась и каждый день ходила посидеть на бревнышке, просто не может быть.

Когда странным совпадением не с кем поделиться, оно перестает быть странным и в какой-то степени перестает быть совпадением. Написать Оксане? Для этого нужно, чтобы Оксана вспомнила предыдущий эпизод, а она ответит, что не помнит. Или ничего не ответит. Уже было такое, что не отвечала.

На Нину снова налетела пятерка собак – белая большая стандартная, бежевая мохнатая с сосульчатой бородой, кремовая розоватая с просвечивающими серыми блядками-родинками на коже, черная встревоженная клякса, рыжая краповая – они закружили ее в хороводе, будто на песке дирижировали собачий балет; бежевая немного пожевала ей руку мокрой свежей, как китайский рыбный рынок на рассвете, пастью; осторожно трепала ей кисть, как большую живую рыбу, чтобы не повредить.

Мокрой обособленной рукой Нина нащарила телефон и, увеличив себя, сфотографировала себя.

Вот, подумала она, столько прошло лет, а та я никуда не делась, по-прежнему тут сижу, и мне по-прежнему плохо.

Еще Нина почувствовала, что ей вдвойне плохо из-за того, что об этом некому рассказать. Своего рода злоба на жизнь, которая оказалась непередаваемой, нетранслируемой. Возможно, у всех людей в такой же степени непередаваемые и нетранслируемые жизни, подумала Нина, и они этим не делятся только потому, что даже этот факт не транслируется, не превращается в слова.

Погуляв в прибрежном парке, повалявшись в редкой траве под печальный горный гул плывущих под мостом туманных рожков и сделав около сотни фотографий чего попало, Нина вернулась в даунтаун и купила себе в торговом центре с высокой куполообразной крышей ярко-лимонные, как бабочка, кроссовки на память о поездке и странной неосуществившейся встрече с самой собой. Коробка не влезала в рюкзак, поэтому Нина начала упикивать туда только кроссовки в бежевом, неприятном на ощупь бархатном мешке, похожем на лошадиный живот.

– Ниночек? – спросило что-то вокруг изумленным голосом. – Да ладно. Это ты, правда? Не отвечай, если языка не знаешь. Молчи.

– Пиздец, – серым, как туманный рожок, севшим голосом сказала Нина. – Да что же это такое у меня сегодня происходит. Как? Как ты тут оказался?

– Да, это ты! – Стас присел рядом с Ниной и начал помогать ей закидывать мешок в рюкзак, поглаживая лошадиный живот тонкими длинными пальцами. – Слушай, невероятно. Я еще думаю: цвет этот лимонный, ты всегда неоновые штуки любила, у тебя даже бинт был на коленке, помнишь, рейверских таких цветов. Думаю: ты или не ты? Потом решил: да нет, не может же быть, чтобы человеку всю жизнь нравилось одно и то же.

– Может, – сказала Нина. Рюкзак застегнулся и щелкнул, как фотоаппарат.

– А что ты тут делаешь? – Стас начал хохотать. – Вставай, пошли! Я тут на съемках, на две недели приехали видеоклип доделывать. Я тебе говорил, для кого я клипы снимаю? Или когда мы последний раз общались?

– Давно, – Нина качала головой, как будто увидела привидение. – Ты же меня забанил лет пять назад.

– Пойдем-пойдем, – Стас куда-то потащил ее. – Ты тут живешь сейчас, что ли? Вот мог бы предположить! Ты же рассказывала что-то про Сан-Франциско!

– Не живу, – Нина продолжала качать головой как куколка. – Я не живу. Я приехала случайно. На работе оказалось пять дней пустых, и вот прилетела, гуляю тут одна.

– Черт! А я даже подумал, что ты, может, прочитала, что у нас съемки тут! И прилетела.

– Да где прочитала, я же забанена у тебя.

– А, да, – Стас помрачнел. – Слушай, прости. Такой дебилизм. Я думал, у нее пройдет. Я сто раз объяснял, что у нас даже не было ничего, что мы дружили, и все. Мы даже не целовались с тобой почему-то.

– Почему-то да, – кивнула Нина. – И мне про тебя постоянно снились кошмары. Все эти пять лет.

– Какие кошмары?

Нине снились вот такие кошмары: в них она прилетала в Москву одна, вот как сейчас в Сан-Франциско, и ей нужно было зайти домой к Стасу забрать у него рукописи, не очень понятно какие. Дома у Стаса непременно были его жена-красавица-активистка-сценаристка-продюсерка, мама-профессор-музыкант, отец-владелец-музея-и-галереи и красавец старший брат, известный диджей, каждый год ведущий лайн-ап на Ибике, полный сияющий комплект успеха, и две дочери вечно полутора и трех лет, хотя теперь уже, наверное, все в школу ходят; в доме еще часто находились бабушки и дедушки сразу от нескольких семей и поколений, Нине угрюмо показывали ее комнату со старинной железной кроватью, в которой, как всегда, мрачно спала безымянная, но наследная имперская бабушка этой семьи, которой Нина недостойна, и она тихо отодвигала бабушку, ложилась рядом в полной темноте, чтобы поспать, и молча плакала, чтобы не разбудить малышей и никого не рассердить своим присутствием. Потом Нина просыпалась во сне же и точно так же тихо, чтобы не потревожить всех этих многочисленных идеальных домашних, кралась в туалет через десятки скрипучих антикварных комнат с довоенными комодами, и никогда не добиралась до туалета, приходилось, умирая от стыда, делать это в эмалированный горшок в идеально обставленной детской. На моменте горшка Нина просыпалась и потом до утра не могла уснуть, так ей было плохо и стыдно. Сон уходил, как не было, но стыд всегда оставался и звенел в Нининой голове весь следующий день, как колокольчик.

Нина открыла рот, чтобы рассказать об этом сне, – в конце концов, если уж случилась эта невероятная, случайная встреча, разве это не повод все выложить? – но Стас дернул ее за руку.

– Я на концерт бегу, он тут, в этом же торговом центре, под куполом, – ты была там? Видела сцену? Это мой любимый композитор, помнишь же? Я рассказывал. Слушай, как круто, невероятно, сейчас вместе послушаем. Как ты? Расскажи про себя. Ты где живешь сейчас?

Нина хотела ответить, но они почти бежали, и ей было трудно разговаривать, воздух перестал работать на речь и работал только на то, чтобы медленно перебирать ногами где-то далеко-далеко внизу тела.

– Через две минуты начало! – всполошился Стас. – Надо успеть к началу! Иначе жопа, ты же знаешь!

Нина знала. Они ходили со Стасом на концерты вместе в Москве. Стас обожал музыку, всегда сидел в первом ряду, и по его лицу всегда бежали рябь и помехи, когда он слушал что-то любимое, – то есть он превращался в фоновый объект, сливался с музыкальным ландшафтом. Нина не понимала музыку так хорошо, как Стас, она вообще мало что понимала, а теперь, после всего сегодняшнего, уже осознанно отказывалась понимать, как подобное возможно, что происходит и есть ли шанс кому-нибудь рассказать об этой поездке так, чтобы это не казалось придуманным психозом и нагромождением лестниц из сна.

Они бежали сияющими коридорами мимо всполохов бутиков и увитых цветами маленьких, как бриллиантовые невесты, тренажерных залов – или что там за витые металлические деревья ритмично гнулись за пуленепробиваемым стеклом.

Выбежали в огромный, как водолазный колокол на старинной гравюре, зал с куполом, Стас уселся на мраморный пол прямо под сценой, подстелил Нине серый мохнатый ползучий шарф, похожий на крупную обмершую гусеницу.

– Поедем потом ко мне в отель, да? – он приобнял Нину за плечи, и она чуть не расплакалась от приступа тошноты и ужаса. – Я там один, ребята в другом районе остановились, за

какими-то холмами, а я рядом, в центре. Хоть расскажешь все. Блин, наконец-то пообщаемся. Я не могу поверить, что ты тут тоже оказалась! Ты точно не специально?

– Я уже сама не знаю! – расхохоталась Нина. – У меня еще утром был такой дикий эпизод около моста! Ты вот, кстати, поймешь. Слушай, вот точно – я только тебе и могу рассказать. Там просто какое-то адское совершенно совпадение. Я еще думала: ну нет, никто не поверит. А вот ты поверил бы. Точно! Я тебя поэтому и встретила, чтобы рассказать!

– Ха-ха-ха! – обрадовался Стас. – Ты вообще не изменилась! У тебя же всю жизнь такое. Дикие совпадения, всякие штуки безумные. Я тебе так завидую, слушай. Вот у тебя все осталось вот таким же, как тогда! А я – даже не знаю. Я как раз вот это все больше... ну, придумываю, что ли? Ну, по работе то есть.

– Я видела! – сказала Нина, вспомнив какое-то видео Стаса.

– Я иногда еще думал, – Стас наклонился к ней, чтобы она смогла расслышать, – зал прирастал человеческим гулом, на сцене рассаживались музыканты, восемнадцать человек ровно (Нина зачем-то посчитала каждого). – Вот если мы с тобой увидимся, как я скажу тебе, что я про тебя думал иногда, – а потом подумаю, фу, какая пошлятина, блять. И теперь вот говорю и думаю: и правда, пошлятина какая. И как мне тебе это сказать?

– Мне тоже надо много сказать! – закричала Нина сквозь человеческий гул. – Так не бывает!

– У тебя всегда такое! – повторил Стас. – Я не удивляюсь. Я же вот сам тебя тут случайно встретил, это тоже совершенно в твоём духе!

Нина улыбалась и кивала, улыбалась и кивала.

– Так что у тебя происходит вообще? – закричал Стас. – Как ты?

Заиграла музыка. Нина завертела кистями рук, изображая неутомимую мясорубку жизни и смерти.

– Так, тихо, – засуетился Стас. – Потом давай.

Музыка звучала быстро и совершенно без изменений, будто бы отдельно от себя, – музыканты играли стремительно и бегло, словно спешили и опаздывали каждый на свою персональную партию, но поток звуков от этой наслаивающейся, пульсирующей скорости не становился быстрее: точнее, он тек и пульсировал быстро и яростно, как широкая река, но в нем ничего не менялось, не становилось иным, изменение было невозможным, и казалось, что именно эту невозможность изменения все восемнадцать музыкантов и пытаются передать, бегая туда-сюда и пытаясь успеть вскочить в катящую как бы мимо них самоисполняющуюся, как пророчество, партитуру, будто в постоянно отходящий в последнюю секунду сверхскоростной поезд.

Нина смотрела, как плавно и ровно едут вверх глянцевые металлические эскалаторы со смешными матрешечными дальними людьми в шарфах под музыку. Есть музыка для лифтов, подумала Нина, а есть музыка для эскалаторов – вот как раз такая, про стремительное и неостановимое, как поезд, отсутствие изменения.

У Стаса было страшно вдохновенное, почти просветленное лицо. Сколько же лет я его не видела, подумала Нина, жутко думать. И кому про такое можно рассказать? Да вообще никому. Раньше, очень давно, Нина постоянно представляла, как они со Стасом случайно сталкиваются в каком-нибудь городе, – но потом, повзрослев (она сама для себя так определила этот водораздел, летящую, членившую все надвое черту эскалатора необратимости: повзрослела!), старалась усилием воли останавливать мысли, не ведущие к правдоподобным жизненным сценариям: никто никого не встречает, совпадений не бывает, жизнь стала такой, где уже не может быть ничего случайного, – как заполненные формы или бланки, места пустого нет.

Может, обнять его, подумала Нина. Или за руку взять, например. Раньше всегда, когда ходили куда-нибудь (она не хотела или не могла вспомнить, куда именно) и сидели рядышком, боялась, и трепетала, и всегда думала: может, пусть он? Но Стас не делал этот первый шаг. Возможно, это был не шаг, поэтому он и не мог его сделать.

Стас уловил ее натянутый, как басовая струна, гудящий взгляд и повернул к ней сверкающее неонem и эскалаторными вспышками лицо.

– Сейчас будет этот момент, – сказал он громким шепотом или отсутствующим голосом, но она прочитала по его недоступным, вечно, мучительно, гадко недоступным чужим губам. – Когда заканчивают два фортепиано и сразу вступают маракасы.

Так и случилось, недоступные губы сказали правду: фортепиано, которые будто бы пытались вылечить друг друга от бесконечного заикания, одновременно запнулись унисонной, идеальной паузой – и тут же на угрожающей, ночной сверчковой ноте загрели маракасы, как на мировой презентации нового стального насекомого, способного к выживанию и размножению на пустынных плантациях Марса.

Вдруг запел ангельский хор: это женщины, которые все время, как казалось Нине, сидели сбоку сцены в бледных платьях и, возможно, проверяли свои телефоны, зашебетали, чуть приоткрыв жемчужные холодные ниточки ртов.

Нина приоткрыла собственный рот, чтобы спросить, но Стас выразительно посмотрел на нее и приложил недоступный палец к недоступным губам. Пол пошел вниз, как будто Нина прыгнула с крыши, и ее немного затошнило. Эскалаторы медленно, как во сне, снялись со своих каркасов и ровно легли друг на друга горизонтальным порядком; люди при этом раскладе не учитывались, но они в этой геометрии были лишний элемент. Тут Нина поняла, что ангельский щебет теперь существует на фоне какого-то извечного тошнотворного гула, которого раньше не было, но который тем не менее был здесь всегда и как-то причастен к архитектуре торгового зала – как будто гул сложил этот зал однажды как-то наспех и наперекосяк, чтобы потом бережно, осторожно, поддерживая каждый уголок за локоток, разложить назад.

Гул разорвало оглушительной тишиной, будто схлопнулся невидимый вулкан в ледяной плавильной точке, и стеклянный потолок, разделившись на космическое сияние, мелко порубленные пальмовые листья и металлические зеленые мечи без рукояток, надолго завис в воздухе прямо над Ниной и Стасом, дав Нине бесконечное время все это рассмотреть и изучить, – но этого времени оказалось все равно недостаточно, и все разом оказалось на том же уровне, где были Нина, и Стас, и все остальные.

Рухнул потолок, поняла Нина спустя несколько секунд, пытаясь пошевелить руками (о ногах она забыла). Да что же это такое, все как сон в этот раз, так не бывает вообще! Даже рассказать некому.

Гул прекратился. Стас лежал совсем недалеко, в его голове было небольшое зеленое окошко – один из мечей, вероятно, был к этому как-то причастен, но Нине нужно было проверить. Тут она вспомнила про ноги. Оказалось, что ноги тоже в порядке. Нина осторожно, как собака, растрясла мелкое крошево изумрудного стекла вокруг себя и проворно подползла к Стасу, тронув его за плечо. Стас не отзывался. Тогда Нина вцепилась в его локоть, не обращая внимания на мечи, встреченные ей по дороге, и завывала. Нина всегда его любила, именно поэтому он ей и продолжал сниться.

Музыка для восемнадцати музыкантов продолжала звучать все на той же единственно возможной неизменной ноте. Возможно, это так называемый эффект «Титаника», подумала Нина: когда ансамбль музыкантов чувствует стихийное бедствие, скорую смерть, надвигающуюся громаду океана, землетрясение, цунами, что угодно – они продолжают играть, пока ветер и вода не унесет их прочь. Возможно, есть какие-то льготы для тех, кто предоставляет саундтрек апокалипсису, и они физически чувствуют влажное обещание этих льгот, льнут к ним последним выдохом, вцепляются в кларнет, как в единственную целую еще кость, тянут из скрипки последнюю горловую ниточку. Может быть, и тут то же самое. Ангельский хор продолжал щебетать, ничего не заканчивалось, и Нина продолжила выть, чтобы ее идентифицировали и не отделили от всего, что она любит.

Спасатели увезли их в скорой на одних носилках, потому что Нина была перепачкана кровью Стаса и не очень легко от него отлеплялась. Уже когда их разделили, выяснилось, что с Ниной все в порядке, только неглубокая бескровная царапинка на запястье, ровно вдоль старого подросткового шрама.

Нина оделась, вышла в коридор, там сустились волонтеры и спасатели, вороша и сооружая горы клетчатых одеял и никому не нужных продуктов. Взяла термос с чаем, села в кресло рядом с беззвучно рыдающими мексиканскими женщинами.

Через час ей вынесли поясную сумку Стаса с документами и телефоном.

– Вы его жена? – спросил доктор.

Нина кивнула.

– Плохо, – сказал доктор.

Нина почувствовала, что не может дышать.

– Всем плохо, – сказала она.

Доктор махнул рукой и ушел. Еще через три часа, которые Нина провела без единой мысли, монотонно, в режиме медитативной инвентаризации копаясь в сумке Стаса и изучая его паспорт, кредитки, чеки, ключи-карточки от гостиницы и телефон, пароль к которому она попробовала угадать ровно шесть раз, но ничего не получилось (а ведь должно было совпасть, раздраженно подумала Нина, почему на этот раз ничего не совпадает!), доктор вернулся оттуда, куда уходил в первый раз (Нина отказывалась воспринимать происходящее, подумала Нина сама о себе в третьем лице и мысленно ухмыльнулась), и сказал Нине, что операция прошла нормально, но ничего не изменит, что дела Стаса совсем никудышные и чтобы она ни на что не надеялась – открытый перелом основания и свода черепа, повреждение и отек мозга, вряд ли придет в сознание.

– А если придет, то будет как растение, да? – с надеждой спросила Нина.

– Нет, – сказал доктор. – Он не будет как растение. Он вообще никак не будет. Мне очень жаль. Кошмарный день. Не понимаю, как могло такое случиться. Всего шесть баллов было. Почему оно рухнуло. Уже больше двадцати умерло.

Нина сообразила: новости! Она взяла свой телефон, начала судорожно открывать какие-то странички наконец-то задрожавшими, как будто адреналин только включился, заработал на полную, руками: шесть с половиной баллов, рухнуло здание торгового центра, жертвы, дальше она не могла читать, в глазах поплыло бледное прозрачное, но абсолютно искажающее буквы и изображения бревно из стекла и слюны, и на этом бревне сидела она сама, прошлая и неизменная. Нина, сидя на этом бревне, проплывала мимо Нины же, как ее собственный заклятый стеклянный враг.

– Да, можете зайти, конечно, – ответил врач. Оказалось, что Нина задала какой-то вопрос.

Стас лежал, укутанный в облако трубок и проводов, доступа к его телу из-за проводов почти не было. Дышит, радостно подумала Нина, как хорошо. Из головы Стаса тоже вели трубки, похожие на шланги от пылесоса и хоботы от детского игрушечного слона – был ли в детстве Нины подобный трубный слон? Откуда вообще слон? Нина заметила, что Стас был в носочках, – белоснежных носочках «Адидас» с крохотными, живыми, пылевыми серыми катышками на округлостях и углублениях живой, дышащей, теплой – теплой же? – стопы. Нина взяла Стаса за ногу: точно теплой.

– Это ничего не значит, – сказал доктор. – Мне очень жаль это говорить, но фактически он мертв. Дышит за него машина. И сердце бьется тоже в каком-то смысле благодаря машине. Сам он уже не задышит ничем, у него разрушен тот фрагмент мозга, где находится дыхание.

Нина взялась второй рукой за вторую ногу Стаса в носочке, прямо за пальцы, которые никак не отозвались на ее трепетное ногопожатие. Странно, подумала она, вот тоже никому не расскажешь толком, я ни разу не держала его за руку, и в первый раз, когда вышло его

поддержать, я поддержала его только за ногу, точнее, за две ноги. Если бы мне это кто-нибудь сказал тогда, когда...

Когда что именно когда, Нина не смогла додумать. Доктор устало сообщил, что она может находиться около Стаса сколько угодно, показал, где и какие линии про сердце, про мозг и про что-то еще осторожное и тихое, наполняющее его грудь ритмичными аккордеонными выдохами, и убежал помогать остальным, много пострадавших, всем плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.